

Солнце уже близилось к зениту, когда Су Вэньюэ проснулась. Хан Юй все еще сидел у кровати, не меняя позы, словно страж, неусыпно охраняющий ее сон. В его молчаливом присутствии она чувствовала себя в безопасности. "Ты всю ночь дежурил здесь. Есть что сказать?" - спросила Вэньюэ, уже спокойнее, чем утром. Она отдавала себе отчет в своем вчерашнем порыве, поняв, что слишком торопилась. Она прекрасно знала характер Хан Юя. Холодный, сдержанный, как ледяная статуя, как снаружи, так и внутри. Она, его молодая жена, с которой он едва знаком, была для него всего лишь новой игрушкой в большой игре жизни, которую он вел. Единственными, кого он действительно любил, были его родители и старшие братья, даже Хан Линь не мог похвастаться теплом его чувств. Изменить такого человека было практически невозможно. Она понимала, что это долгий путь, требующий терпения и осторожности. Но, по крайней мере, по сравнению с прошлым, Хан Юй проявлял к ней хоть какое-то внимание. "Я... я не хотел помогать старшей и третьей невесткам. Я знаю, какие они, но я не мог говорить за тебя перед родителями. И... короче говоря, это моя вина. Но теперь, когда ты - моя жена, хозяйка дома Хан Юя, мы должны уважать традиции. Я был зол, поэтому сказал такие неприятные вещи," - произнес Хан Юй, как будто сбросил с души тяжелый груз. Несмотря на то, что признание своей вины могло показаться ущербным для его самолюбия, Хан Юй не был гордым и надменным. Несмотря на то, что чувства к Вэньюэ у него пока были отсутствовали, он испытывал к ней симпатию. Да и мысль о том, чтобы провести всю жизнь с ней, о чем он ранее не задумывался, теперь казалась ему не такой уж плохой. Он понимал, что общение, взаимопонимание - ключ к гармоничной семейной жизни, особенно теперь, когда она доказала свою практичность и доброту. В этот момент раздался голос Лиу: "Четвертый брат, четвертая невестка, выходите, пора обедать!" Голос ее был мягкий, почти дружелюбный. В последнее время Лиу, поддавшись влиянию жены старейшины, стала относиться к Су Вэньюэ более тепло. Она уже не обращала внимания на подстрекательства Ван и пришла самой, без указаний свекрови, позвать молодых на обед. "Тогда пойдем, - сказал Хан Юй, - не будем задерживать всех," и, как будто слова, сказанные им минуту назад, растворились в воздухе, его лицо вновь стало холодным, пустым. Су Вэньюэ лишь кивнула. Внутренние разногласия можно было постепенно уладить, а вот образ идеальной невестки, который она с такой старательностью выстраивала перед родителями, нужно было поддерживать. Кроме того, искренность Хан Юя, хоть и проявленная в натянутой форме, уже была хорошим началом. Следующие несколько дней Вэньюэ решила применить другие методы. Она решила, что для того, чтобы дать Хан Юю понять, что она не так проста, как он думает, и заставить его впредь тщательнее взвешивать слова и поступки, ей придется продемонстрировать ему свою независимость и силу. Всякий раз, когда Хан Юй пытался к ней приблизиться, Вэньюэ отворачивалась. Ее поведение было четким сигналом: "Я все еще сержусь, даже не думай трогать меня!" Хан Юй был обескуражен. Ему только-только удалось почувствовать вкус близости, он хотел большего, но его жена не отвечала взаимностью. Между ними была стена молчания, а рядом с ним находилось его сокровище, которое он мог только видеть, но не трогать. Любому мужчине такое испытание было бы не по силам, и Хан Юй не был исключением. Ему пришлось терпеть, хотя этого было невозможно сделать. Он не умел сладко говорить, не хотелось заставлять женщину, которая к нему не испытывает симпатии. Романтика в их отношениях практически отсутствовала, и это пугало его. Не получая от жены желаемого, Хан Юй стал злым, угрюмым. Ян, не переставая качать головой, пытался "просветить" своего сына, объяснить, как важно быть внимательным к жене. Но все было бесполезно. Она думала: "Вот как я воспитываю своих детей! Какой скверный характер! Уж моя дочка-то не виновата, что ей достался такой мерзкий муж," - и в знак заглаживания своей вины стала оказывать Вэньюэ теплое внимание, почти лаской, что даже заставило Вэньюэ почувствовать себя в неловкой ситуации. Семья Хан была простыми крестьянами. Каждый член семьи, от мала до велика, всю жизнь трудился на земле. Су Вэньюэ не собиралась избегать работы. Хотя в девичестве она не знала, что такое полевые работы, в прошлой жизни ее хозяйка, хоть и добрая, но жестокая, не позволяла ей сидеть сложа руки. Она не раз была отправлена в сельскую местность, на полевые работы. Тогда ее специально

подвергали мучениям, не давая ей даже сделать перерыв, чтобы попить воды. Ее жизнь была полна страданий. "Четвертая невестка, тебе незачем туда идти. Девушку, выросшую в богатой семье, таких работ не касаются. К тому же тебе нужно обучать Баофу, учить его грамоте. Ты занимайся своими делами, не думай о полях. В семье много рук, справятся и без тебя." "Отец, все в порядке. Да, я не сильна в сельских работах, но все приходит с опытом. Я просто хочу немного потренироваться. Что касается Баофу, я найду время, чтобы обучать его чтению и письму. Я не хочу откладывать это дело в долгий ящик." Вэньюэ, на самом деле, не очень-то хотела работать, но ей не хотелось, чтобы люди сплетничали. "Останься дома. Какой толк тебе идти с нами? Ты же только помешаешь! - ответил Хан Юй, уже не скрывая раздражения. Он говорил с презрением, но любой бы мог понять, что на самом деле он просто переживал за свою жену." "Юэ-нянь, слушай Юя и сиди дома. Юй силен и работает усерднее всех. Он быстрее и лучше справляется с работой. Представь, что он делает ее за двоих," - поддержала сына Ян, словно отдышав спокойно. Ей казалось, что ее сын, наконец, понял, как важно любить свою жену. Она радовалась этому, хотя и понимала, что нелегко говорить о своих чувствах женщине. У Хан Юя, оказывается, были и плюсы. Если бы трое его братьев так заступались за своих жен, Ян бы не одобрила. Она подумала бы, что сыновья забыли о матери, поженившись. Но в случае Хан Юя, который не был привык открыто выражать свои чувства, все выглядело иначе. Лиу все было равно. Она думала о том, как бы добраться до Су Вэньюэ, получить что-то от нее. Ей было всё равно, будет она работать или нет. За её хрупкие плечи тяжелый труд все равно не поднять. Ван с тех пор, как поговорила с Хан Шэнем, не снимала с лица уныния. Слова Ян ей еще больше разживили душу. До появления Су Вэньюэ она была лучшей среди своих невест. Теперь же она увядала, как сорняк, а все восхваляли Су Вэньюэ и не обращали на нее внимания.